

Переплетенный семиозис

Илья УТЕХИН¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия; Университет
Индианы, Блумингтон, США

ORCID: 0000-0002-1176-6330

Микроанализ невербальных аспектов коммуникации (из интеллектуальной истории мультиmodalного анализа)

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-86-118

86

Резюме:

В статье рассмотрены некоторые интеллектуальные истоки современного мультиmodalного анализа. Предыстория микроанализа социального взаимодействия включает семиотику невербальной коммуникации и антропологическое изучение паттернов экспрессивного и коммуникативного поведения. Это было впервые реализовано Грегори Бейтсоном и Маргарет Мид в новаторских исследованиях Балийского характера. Бейтсоновский подход к взаимодействию находился под влиянием кибернетических идей и опирался на понятие обратной связи, что привело к достижениям в области теоретического понимания коммуникации и, в частности, в изучении взаимодействия в семье в психиатрической перспективе. Междисциплинарный исследовательский проект, получивший название «Естественная история одного интервью», стал первым примером широкого междисциплинарного сотрудничества с участием антропологов, лингвистов и психиатров. Это привело к подробному анализу снятого на пленку фрагмента взаимодействия, где были сопоставлены данные о разговоре, параязыке и языке тела (кинесика). Выводы этого проекта, как и других попыток кинесического микроанализа, скорее позволили задать дополнительные вопросы о цели исследования и адекватности используемых методов, чем принесли существенные содержательные результаты. Однако вклад кинесики и, в более широком смысле, семиотики невербальной коммуникации сыграл важную роль во включении данных о внимании участников,

1 Илья Утехин — к.и.н., ассоциированный научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге; приглашенный исследователь, Университет Индианы (Блумингтон).

отслеживаемом как направление взгляда, в анализ коммуникативного взаимодействия, как это было реализовано в работах Чарльза Гудвина.

Ключевые слова: семиотика, невербальная коммуникация, кинесика, микроанализ, социальное взаимодействие, история науки

Ilya Utekhin¹

European university at St.Petersburg, Russia; Indiana University, Bloomington, USA

Microanalysis of Nonverbal Aspects of Communication (from the Intellectual History of Multimodal Analysis)

Abstract:

The paper considers some intellectual roots of the contemporary multimodal analysis. The prehistory of microanalysis of social interaction includes semiotics of nonverbal communication and the anthropological study of patterns of expressive and communicative behavior as it was performed by Gregory Bateson and Margaret Mead in the pioneering research on Balinese character. The Batesonian approach to interaction was influenced by cybernetic ideas—particularly the notion of feedback—which led to theoretical advances on communication in general and, particularly, in the study of family interaction in a psychiatric perspective. The interdisciplinary research project that became known as “The Natural History of an Interview” was the first example of a broad interdisciplinary collaboration involving anthropologists, linguists and psychiatrists. It has brought about a detailed analysis of a filmed interaction that correlated data about talk, paralanguage, and body language (kinesics). The results of this project, as well as of the other attempts at kinesic microanalysis, allowed one to question the goals of research and the adequacy of research methods employed. However, the input from kinesics and, broader, semiotics of non-verbal communication was instrumental for including data about participants’ attention traced as gaze-direction into analysis of talk-in-interaction, as it was put in practice by Charles Goodwin.

Keywords: semiotics, non-verbal communication, kinesics, microanalysis, social interaction, history of science

87

Сегодняшнему исследователю микромеханики социального взаимодействия доступны инструменты аннотации, позволяющие разметить происходящее на видеозаписи (снятой, возможно, более чем одной камерой), раскладывая действия участников подобно оркестровой партитуре. В синхронизированных между

¹ Ilya Utekhin, associate scholar, European university at St.Petersburg; visiting scholar, Indiana University, Bloomington.

собой компонентах потока информации аналитически выделяются, наряду со словесной речью, другие аспекты — жестикация и жесты рук, выражение лица, изменения позы, действия с предметами — и все это, возможно, членится на компоненты и может быть соотнесено с другими потоками данных (например, с записью экрана и с логами компьютерной системы, оперирование с которой является частью взаимодействия). В этих инструментах уже заложена определенная идеология анализа. Можно утверждать, что появление этой идеологии, в свою очередь, связано с технологией: именно доступность технологических средств определила и доступность для исследователя определенных сфер реальности. Подобно тому, как телескоп и микроскоп оказались необходимы, чтобы проникнуть в тайны микромира и устройства наблюдаемой вселенной, в области наук о поведении фотография, кино и возможность покадрового просмотра заложили основы для возникновения тех исследовательских подходов, которые в совокупности привели к современному мультимодальному анализу. Идеологически и методически он стал оформляться в 1980–1990-е годы, когда даже терминологически объект исследования в работах по разговорному анализу стали обозначать как «разговор как часть взаимодействия» (talk-in-interaction)¹.

88

Исходной точкой этой статьи является тот факт, что работы, в которых впервые использованы методы тщательной фиксации и транскрибирования коммуникативного взаимодействия в его речевом и невербальном аспектах, сами по себе не принесли сколько-нибудь существенных содержательных результатов — и потому остаются лишь относительно малоизвестными подробностями из истории научного знания. Более того, материалы и выводы ключевого для предьстории мультимодального анализа проекта так и не были толком опубликованы. И это отличается от обычного хода эволюции научного знания. Не вспоминают и о гораздо более влиятельных областях и направлениях, которые сегодня растворились в нашем эпистемологическом бессознательном. Так, в современных работах о социальном взаимодействии — социологических, прагматических, антропологических — мало кто ссылается не только на труды по семиотике, но и на труды по кибернетике, а ведь эти две обла-

1 Хотя на русский язык существует вариант перевода как «речь-во-взаимодействии», предложенный А. Корбутом, в терминологии лингвистики речь противопоставлена языку как системе; речь — это продукт работы языковой способности, *speech*. По умолчанию, речь монологична. *Talk* это именно «разговор» (или, в лучшем случае, говорение, то есть «диалогическая устная речь»).

сти в 1950–1970-е годы внесли значительный вклад в общественные и гуманитарные дисциплины.

Те сюжеты, о которых ниже пойдет речь, касаются первых попыток включить в анализ и представить в форме транскрипции невербальные аспекты социального взаимодействия.

Эти попытки ставят несколько важных вопросов о целях соответствующих трудоемких процедур и о статусе получаемых на выходе выводов и закономерностей.

История изучения языка и социального взаимодействия (Language and Social Interaction) как отдельной области исследования в американской науке представлена в коллективной монографии [Leeds-Hurwitz 2010], с подразделением на научные школы и указанием на линии интеллектуального наследования. Лидз-Хервиц обозначает интересующие нас события как «микроэтнографию», отчасти пересекающуюся с ранним этапом развития этнографии коммуникации [Gumperz, Hymes 1964], и определяет три составляющие этого процесса: 1) Институт зарубежной службы (Institute of Foreign Service), где зародилась такая область исследования и практического искусства, как межкультурная коммуникация, и где антропологи сформулировали подходы к проксемике (исследованию использования пространства) и кинесике («языку тела»); 2) проект «Естественная история одного интервью» Центра передовых исследований в области наук о поведении, в рамках которого кинесика и паралингвистика применялись в ходе детального анализа киносъемки, синхронизированной с аудиозаписью; и 3) так называемая «группа Пало-Альто»¹, которая при участии антрополога Грегори Бейтсона впервые сформулировала отчетливый интеракционный взгляд на коммуникацию [Leeds-Hurwitz 2010: 6, 13-19].

Как представляется, в картину предыстории микроанализа взаимодействия с использованием визуальных методов следовало бы добавить еще два компонента: пионерские работы Грегори Бейтсона и Маргарет Мид, опирающиеся на визуальные методы анализа коммуникации, и семиотику невербальной коммуникации, по отношению к которой кинесика оказывается своеобразным подмножеством. Следует отметить, что сама по себе невербальная коммуникация привлекала внимание антропологов и психологов

1 В группу Пало-Альто входили, во-первых, те исследователи, которые работали в проекте Бейтсона «Значение парадоксов абстракции в коммуникации» на базе ветеранского госпиталя в Менло-парке. Среди сотрудников этого проекта были соавторы Бейтсона по основополагающей статье «К теории шизофрении» [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956] и заодно будущие основатели новых форм семейной психотерапии Дональд Джексон, Джей Хейли и Джон Уиклэнд.

еще до того, как сложилась интеракционная парадигма изучения социального взаимодействия, истоки которой обнаруживаются в ранних попытках найти общую почву для эмпирических исследований при участии лингвистов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, под влиянием идей из области кибернетики, семиотики и этологии. Эмпирические методы в изучении невербальной коммуникации с необходимостью предполагали работу с визуальными материалами — фото- и киносъемкой. Заметим, что у культурной и социальной антропологии, несмотря на то что фото- и кинооборудование довольно давно и широко использовалось в полевой работе, отчасти и до сих пор непростые отношения с изображениями. Как отмечала Маргарет Мид в своем эссе об антропологии как преимущественно словесной дисциплине [Mead 1995], парадоксальным образом в фотографии слишком много информации, которая нуждается в экспликации. Тем не менее использование кино- и фотосъемки как часть наблюдения позволяет открыть для антропологии новую область исследования — коммуникативное взаимодействие — и обосновать такие выводы о, например, Балийском характере [Bateson, Mead 1942], к которым иначе невозможно было бы прийти.

90

Ниже мы остановимся преимущественно на проекте «Естественная история одного интервью» и представлениях о коммуникации, которые в этот проект привнес Г. Бейтсон, а в качестве контекста укажем на некоторые особенности того, что из себя представляла семиотика невербальной коммуникации в 1960–1970-е годы в США. «Естественная история одного интервью» занимает выдающееся место в истории науки, а вопросы, о которых этот проект заставляет задуматься, остаются актуальными и сегодня, в том числе для понимания идей конверсационного и мультимодального анализа.

Психиатрия, кибернетика, антропология

Определяющее влияние на идеи о коммуникации участников группы Пало-Альто оказали кибернетика, общая теория систем и теория логических типов¹. Материалом для исследователей служили взаимодействия в семье, а они отличаются от взаимодействий в других малых группах. Именно отталкиваясь от внутрисемейной коммуникации был сформулирован тезис, согласно которому, находясь в одном пространстве, участники вступают в коммуникацию

1 См. краткое изложение основных идей «интеракционного» взгляда в статье Wilder 1979, более подробно в книгах Бейтсон 2000 (1972) и Вацлавик, Бивин, Джексон 2000 (1967).

независимо от того, производят ли они какие-то специальные действия, — соответственно, не коммуницировать невозможно, а молчание (и, шире, отсутствие сигналов) оказывается частью взаимодействия.

Участники коммуникации в перспективе этого подхода — это не некие заранее заданные до события коммуникации субъекты со своими свойствами и скрытыми в голове побуждениями, сформированными травмирующими событиями их далекого прошлого, которых они сами не осознают (как это диктовал бы психоаналитический взгляд); скорее, участники в тех или иных ролях возникают как производные от разыгрываемых ими паттернов коммуникации. Исследователи прежде всего обращают внимание на взаимодействия и ведут себя как бихевиористы, не пытаясь сослаться на то, что там у участников в голове. Отсюда возникает представление о том, что независимо от причин сложившихся отношений, которые выражаются в повторяющихся формах наблюдаемой коммуникации, можно воздействовать на эти коммуникативные рутины в ходе процесса терапии, посредством манипуляции рамками, управляющими пониманием сообщений.

Это возможно потому, что взаимодействия не только передают некое содержание, но одновременно на другом уровне они выражают отношение между участниками — посредством сообщений, которые указывают, как следует интерпретировать содержание. Эти сообщения метауровня выражаются не столько словами, сколько невербальными средствами «языка тела» и несловесными параметрами вокализации — средствами «аналоговой коммуникации», которые передают социальные и аффективные значения. Вацлавик и коллеги противопоставляют телесные средства словесным как опирающимся на единицы с точным абстрагирующим значением («цифровая коммуникация») [Watzlawick, Beavin, Jackson 1967: 61-66]. Соотношение между уровнями универсально для коммуникации, его можно наблюдать и у животных (ср. укус и сообщение метауровня «это игра»), но у человека наряду с телесными несловесными средствами выражения имеется словесная речь.

Сообщение и сообщение о сообщении могут быть так связаны друг с другом, что они образуют неразрешимый парадокс вроде «Я хочу, чтобы ты говорил мне, что ты меня любишь, и делал это потому, что сам ты этого хочешь, а не потому, что я тебя прошу об этом» [Wilder 1979: 175]. В определенных обстоятельствах такая ситуация может приводить к своеобразной коммуникативной ловушке, определяемой Бейтсоном как двойное связывание [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956; Bateson 1972: 153-203]. Систематически воспроизводимые формы патологической коммуникации способствуют проявлению шизофрении, а шизофрения обуславливает

сложности, которые человек испытывает с оперированием посланиями метауровня.

Внимание Бейтсона к паттернам коммуникации проявилось в его полевой работе в Новой Гвинее и на Бали совместно с Маргарет Мид, результаты которой опубликованы в его монографии «Навен» [Bateson 1958 (1936)] и в фотографическом анализе Балийского характера [Mead, Bateson 1942]. И еще до проекта в Менло-парке Бейтсон выступил соавтором книги «Коммуникация: социальная матрица психиатрии» [Ruesch, Bateson 1951].

Интеракционный подход к коммуникации возникает под влиянием кибернетики — в частности, в связи с опорой на понятие обратной связи в саморегулирующихся системах.

Популяризации идей кибернетики способствовали семинары, организованные фондом Мэйси, которые начиная с 1942 года были важнейшей междисциплинарной площадкой и в которых принимали участие Грегори Бейтсон, Клод Шеннон, Норберт Винер, Джон фон Нейман, Маргарет Мид, Курт Левин, Милтон Эриксон. В другом цикле конференций, который был посвящен групповым процессам, наряду с Бейтсоном участвовали Рэй Бедвистел, психолог Эрик Эриксон, социолог Ирвин Гофман, этологи Конрад Лоренц и Нико Тинберген, а также психиатр Фрида Фромм-Рейхман.

92

Фромм-Рейхман в 1955 году организовала в Центре наук о поведении (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) в Пало-Альто междисциплинарную группу, которая работала над проектом, получившим название «Естественная история одного интервью» (далее — ЕИИ). В эту группу вошли еще один психиатр Генри Брозин, антрополог по образованию и основатель кинесики — семиотической дисциплины, посвященной знаковому потенциалу движений человеческого тела — Рэй Бедвистел, антрополог Грегори Бейтсон и лингвист Норман Макоун. Фрида Фромм-Рейхман работала над методикой психоаналитического лечения шизофреников, это она ввела в употребление термин «шизофреногенная мать» [Fromm-Reichmann 1948].

Антропология в лице Грегори Бейтсона и Эдварда Холла является, очевидно, одним из дисциплинарных полей, где уже оформился интерес к сфере невербальной коммуникации и, шире, социально-го взаимодействия. Для ранних опытов мультимодального микроанализа коммуникативного поведения антропология оказывается среди источников вдохновения наряду с лингвистикой, социолингвистикой и науками о поведении, представленными психиатрией и этологией (наукой о поведении животных).

Эдвард Холл участвовал в работе созданного в 1946 году в системе Государственного департамента США Института зарубежной службы (Foreign Service Institute), предназначенного для повыше-

ния квалификации служащих, работающих в других странах¹. В этом институте нашлось место для антропологов и лингвистов, потому что предполагалось, что студенты освоят не только язык, но и культурно-специфичные формы коммуникации в самом широком смысле. Ранние теоретические построения Холла о культуре и коммуникации местами прямо соотносят устройство культуры и языка [Hall, Trager 1953: 49]. В своих обобщающих публикациях, рассчитанных на широкую публику [Hall 1959, 1966, 1976, 1983], Холл в доступной форме излагает основы кибернетически-коммуникативного подхода к культуре и обращается к темам, которые имеют прямое отношение к проблемам межкультурной коммуникации, как теоретическим, так и вполне практическим. Это идеи проксемики [Hall 1966] и хронемии [Hall 1959, 1983], а также представления о различии ситуаций по степени эксплицитности смысла (высококонтекстуализованные и низкоконтекстуализованные режимы взаимодействия, к которым в определенных сферах тяготеют те или иные общества [Hall 1976]). По сути дела, в пределах коммуникативного подхода к культуре и социальному взаимодействию Холл воплощает своими трудами исследование широко понимаемых невербальных средств коммуникации.

Семиотика и кинесика

Семиотика как дисциплина о знаках и знаковых взаимодействиях в середине XX века преимущественно сосредотачивала внимание на системах знаков, на «языках», и потому сегодня видится соседней ветвью на эволюционном древе науки по отношению к конверс-анализу с его радикально прагматическим подходом, в фокусе которого — использование языка и других ресурсов в некоторых конкретных обстоятельствах. Эти две ветви некоторое время мирно уживались под одной обложкой.

К предыстории же мультимодального анализа относится семиотика невербальной коммуникации. Кинесика, исследование жестов, жестовых систем и языков, паралингвистика — все это было частью мейнстрима семиотических конференций 1960–1970-х гг. и публиковалось в журнале *Semiotica* под редакцией Томаса Себеока. Этот журнал на протяжении многих лет являлся инструментом междисциплинарного взаимодействия, воплощая собой период

1 В Институте зарубежной службы сотрудничали ключевые участники проекта ЕИИ — Рэй Бедвистел, Чарльз Хоккет и Норман Макоун; Фрида Фромм-Рейхман тоже была опосредованно связана в Институте [Leeds-Hurwitz 1990].

бурного развития семиотики как языка описания. Несколько важных текстов по конверс-анализу опубликованы именно здесь, в том числе знаменитая статья Щеглоффа и Сакса “Opening up Closings” [Schegloff, Sacks 1972].

В первом выпуске журнала *Semiotica* (1969) была опубликована основополагающая для области невербальной семиотики статья Пола Экмана и Уоллеса Фризена, предложившая трактовку явлений из широкой области невербальной коммуникации (далее — НВК) в кибернетически-коммуникативной перспективе, в частности, в терминах кодирования и декодирования. Эта статья подвела итог целого этапа исследований: в ней использованы результаты проекта о кросс-культурном изучении выражений лица и проекта, послужившего основой книги Экмана про ложь [Ekman 1985] и других публикаций, касающихся невербальных сигналов, позволяющих заподозрить лжеца. Статья послужила важной ступенькой для будущих работ с невербальной коммуникацией в психологической, этологической и когнитивной перспективе. Набор сюжетов, к которым эта статья обращается, а также предлагаемые методы иллюстрируют и семиотически-коммуникативный подход к НВК, и направления, в которых многие исследователи двигались в дальнейшем. Предложенная классификация движений¹, а также типов кодирования действий, попадающих в число потенциально коммуникативных, опираются на функциональные и семантические критерии.

94

Стоит заметить, что само по себе выделение некоей научной области — например, «невербальной коммуникации» — посредством конференций и публикаций, а также институционализации в создании лабораторий, институтов и специализированных журналов отражает специфическое понимание реальности и соответствующую классификацию явлений и представляет собой исторически и культурно-конкретное явление. Сегодня трудно себе представить конференцию по НВК с представительным составом участников: слишком широк возможный спектр вопросов и слишком в разных областях работают специалисты, которых интересуют отдельные прикладные аспекты — от дизайна интерфейсов до истории кино; сегодня они не испытывают нужды в общем языке. А вот на конференции 1962 года в Блумингтоне [Sebeok, Hayes, Bateson 1964] паралингвистика и кинесика обсуждались мощной междисциплинарной компанией, где участники представляли такие области, как

1 В нее вошли не только жесты и жестикуляция, но и действия с предметами и собственным телом, которые не носят коммуникативного характера, т.н. адапторы. См. уточненную версию классификации невербальных проявлений, сопровождающих разговор, в статье [Ekman 1999].

антропология, психиатрия, лингвистика, психология и преподавание языка¹.

Семиотика в целом представляет собой исключительно разнородное сочетание исследовательских интересов, связанных между собой лишь опосредованно через попытку использовать общий набор категорий для описания. Семиотика НБК тоже обращается к весьма обширному конгломерату явлений с нечеткими границами. Для того чтобы сложить их в одну корзину в рамках коммуникативного взгляда на культуру и поведение, нужно усилие теоретического воображения. Скажем, основанная на эмпирических данных статья о том, как не сталкиваются и расходятся между собой пешеходы [Collett, Marsh 1974], — тоже, вообще говоря, про невербальную коммуникацию, потому что даже идущие встречными курсами прохожие обходятся без слов, но как бы они без коммуникации согласовали свои действия?²

При этом семиотика в принципе стремилась к созданию всеобъемлющих теорий, и заголовки типа “A unified theory of...” (вместо многоточия можно подставить искусство, коммуникацию, язык и поведение, жизнь) никого не удивляли вплоть до последних десятилетий XX века. Концепция, где в семиотической плоскости рассматривалась бы коммуникация у человека и у животных, представлялась довольно обычным уровнем общности, но ведь и кибернетика предлагала функциональные модели, которые описывали и организм, и природные системы, и общество, показывая, что закономерности, которые выведены для саморегулирующейся физиологической системы, отражают важные свойства и социальных, и технических, и экономических систем, и что эти свойства можно выразить математически.

Теории дедуктивного характера могли строиться на применении и развитии идей классиков, потому что идеи основоположников семиотики Чарльза Пирса и Фердинанда де Соссюра обладали, казалось, неисчерпаемым эвристическим потенциалом и позволяли формулировать новые методы анализа. Такова, например, книга, которую лингвист Кеннет Пайк выпустил задолго до институционализации семиотики в 1949 году: *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior* [Pike 1949]. Она повлияла

1 Ср. едкую рецензию Дж. Трейгера в антропологическом журнале на транскрипт этой конференции [Trager 1966]: записать и издать разговоры умных людей на слишком расплывчатую тему, хотя бы эти разговоры и не вели к приращению знания, — беспроигрышный метод получить «научную» публикацию.

2 Статья была включена Адамом Кендоном в сборник статей по НБК, опубликованных в журнале *Semiotica* [Kendon 1981].

на многие поколения исследователей далеко за пределами собственно лингвистики, в том числе и на подходы антропологов и, в частности, на подходы Рэя Бедвистела и его лингвистов-коллег по проекту ЕИИ.

Вообще же, одно из практических определений того, что такое семиотика, состоит в том, что семиотика — это применение лингвистических методов описания и анализа к нелингвистическим объектам. Хотя это определение и оставляет за рамками довольно большие области того, что обычно считается семиотикой, оно позволяет охватить по крайней мере одну из существенных особенностей значительной части поля семиотических исследований.

Другая часть наследует линии, которая уделяет основное внимание классификации знаковых явлений. Чарльз Пирс в своих построениях, в сущности, пытался охватить все процессы в мире, которые хоть в какой-то мере предполагают опосредование, интерпретацию и избирательный ответ. Значительная часть публикаций в *Semiotica* интересующего нас периода включает в себя попытки классификации и типологии явлений (где и жестам порой находится свое место); рядом с ними — конкретные исследования, скажем, жестов в классическом индийском танце, эссе в гофмановском духе о значении жеста прикосновения рукой к шляпе в межличностной коммуникации, эссе о рукопожатии и статья о жесте показывания языка у человека и у других приматов [Ikegami 1971; MacCannell 1973; Schiffrin 1974; Smith, Chase, Liebllich 1974].

96

Приматы тут появляются не случайно, как и в целом коммуникация у животных: Томас Себеок ввел в употребление термин «зоо-семиотика» для обозначения коммуникации в животном мире, и работы этологов оказались продуктивным источником для семиотических построений. Дело в том, что вопросы происхождения коммуникативных средств в эволюции (филогенезе) и в онтогенезе и обсуждение в этом свете механизмов ритуализации явилось одним из важных элементов околосемиотического интеллектуального ландшафта 1960-х (ср. организованная Джулианом Хаксли конференция по ритуализации, собравшая наряду с этологами психологов и антропологов [Nuxley 1966]).

Антрополог Рэй Бедвистел использовал лингвистические понятия для описания положений тела и телесных движений, и выделенное им в качестве отдельной области изучение коммуникативного потенциала тела и телесного движения у человека в первой половине 1960-х оказалось предметом научной моды и грантового финансирования и рассматривалось как семиотическая субдисциплина (см. о кинесике и ее контексте [David 2001]). Из антропологических и социологических интересов органично вытекала задача определения кинесических репертуаров, характерных для разных

групп, подобных в каком-то отношении диалектам языка. Публикации Бедвистела богаты меткими наблюдениями в этой области, а в разговоре о теоретических аспектах кинесики он часто упоминает о контексте, разных культурных и холистических аспектах функционирования телесного движения в коммуникации. Но теории как таковой у него нет, а как только дело доходит до анализа материала, оказывается, что мы видим прежде всего доскональное описание формы наблюдаемого поведения при помощи транскрипции, прочесть которую могут только убежденные фанатики этой дисциплины, прошедшие курс специального обучения. Современного читателя может удивить тот факт, что в рамках ЕИИ Бедвистел использует в своей системе транскрипции телесных состояний и действий буквы и символы, но не делает прорисовок¹.

В первой методически ориентированной брошюре по кинесике [Birdwhistell 1952] для затранскрибированных фрагментов даны словесные описания, которые куда нагляднее, чем собственно транскрипция, и смысл описания достаточен для понимания. Но что делать с затранскрибированным материалом дальше, в этом руководстве не написано, и примеров анализа там нет, если не считать анализом самые интересные во всей книге три странички (69-71) с описанием разных манер походки — без какой-либо опоры на транскрипцию. Здесь кратко и в духе Дэвида Эфрона [Efron 1972 (1941)]² показано, каковы различия между походками, которые иногда можно приписать определенным группам, и такого рода наблюдения и выводы оказываются органичным результатом кинесического подхода и представляют интерес для антрополога. Когда Бедвистел преподавал в Торонто, он впечатлял студентов, в том числе Ирвина Гофмана, тем, как он имитировал разные манеры поход-

- 1 Не только в ЕИИ. В руководстве по кинесике [Birdwhistell 1952] их нет вовсе, а во всем сборнике «Кинесика и контекст» [Birdwhistell 1990 (1969)] прорисовки используются только в одной заметке, о которой ниже пойдет речь — там представлен анализ эпизода с подгузником.
- 2 Дэвид Эфрон — автор пионерской работы, где он на основании наблюдения, зарисовок с натуры и анализа специально отснятых киноматериалов (всего на них зафиксирована жестикаляция 750 человек), пользуясь покадровым просмотром и прорисовками на миллиметровке, сравнивает жестикаляцию нью-йоркских евреев и нью-йоркских итальянцев. В книге Эфрона предложена классификация жестов и явлений жестикаляции, которая задала целый ряд основных различий и терминов, которые используются и сегодня, — в частности, подразделение жестов на те, что сопровождают высказывание, и те, которые могут иметь независимое от речи значение, с более подробной классификацией внутри этих разрядов [Efron 1972 (1941): 94-99]. Как отдельный аспект описания Эфрон выделяет жестовое взаимодействие между участниками разговора.

ки и держания сигареты, присущие разным социальным группам, что открывало возможность анализировать эти телесные практики как разновидность социального ритуала [Winkin 1988: 232 — цит. по Kendon, Sigman 1996: 235-236]. Однако из досконально затранскрибированного материала в немногочисленных публикациях Бедвистела смысл анализа сам по себе не возникает, а те довольно скромные наблюдения, которые там формулируются в качестве выводов, не вытекают собственно из материала и его транскрибирования как формы анализа.

Опубликованная в «Кинесике и контексте» заметка с микроанализом двухсекундного эпизода [Birdwhistell 1970: 10-23] содержит изложение доклада 1959 года, где Бедвистел опирается на материалы съемок взаимодействия с участием матери троих детей, семья которой была взята в качестве примера проблемной и потенциально «шизофреногенной». Бедвистел рассматривает взаимодействие матери и младенца в ходе переодевания подгузника, обращая внимание на то, как мать сначала подталкивает руку младенца в одну сторону, от тела, а потом удерживает ее и прижимает. Бедвистел истолковывает это как неоднозначное сообщение — одновременно как команду не опускать руку вниз и как запрет отодвигать ее вверх; такая противоречивая инструкция видится ему как «двойное связывание» по Бейтсону.

98

Это рассуждение вроде бы лежит вполне в русле объяснений Бейтсона и Мид, которые они предлагают для своих балийских материалов. В фильме “Childhood Rivalry in Bali and New Guinea” (1953), выпущенном Маргарет Мид, есть несколько эпизодов, где мать намеренно вызывает гнев ребенка, не обращает внимания на вспышки его гнева, провоцирует ревность, взяв на руки младенца другой женщины, а потом в воспитательных целях передает этого чужого младенца поддержать своему ревнивому ребенку. Речь идет о том, как во взаимодействии матери и ребенка формируется характерный для балийцев контроль за выражением эмоций: заходится ли ребенок в ярости или бросается к матери на шею с объятиями, он получит в ответ ровное, внешне безразличное отношение.

Отдаленное сходство с анализом Бедвистела имеется, но для нас важнее отличия: у Мид в фильме, как любой зритель может убедиться, ревнивый ребенок плачет и явно выражает свой гнев. У Бедвистела не только мать не манипулирует рукой младенца намеренно (возможно, как Бедвистел замечает, она пытается оградить его от укула булавкой, которой закрепляет подгузник), но и ребенок ничего не выражает — а если и выражает, то мы об этом ничего не знаем. Мы не можем сказать даже, заметил ли вообще младенец эти действия матери со своей рукой: противоречивые послания, которые интерпретируются как «двойное связывание», целиком

и полностью вчитываются в ситуацию Бедвистелом, и его интерпретацию невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Возможность покадрового просмотра в принципе создает соблазн увидеть больше содержания, чем есть в материале. Сет Уоттер в своем эссе про интеллектуальную историю использования киносъемки в микроанализе поведения называет это соблазном «герменевтической гипертрофии»: микроанализ как герменевтическая процедура отталкивается от представления о том, что у телесных движений в поле межличностного общения имеется значение, а гипертрофия оказывается результатом применения кино как технологии, которая позволяет ставить на паузу и многократно прокручивать на разной скорости. Посредством таких манипуляций из материала выживаются данные, но это незаметно сливается с созданием новых форм, которых не было в реальности, изначально зафиксированной на пленке [Watter 2017: 38].

Естественная история одного интервью

Подробности о проекте «Естественная история одного интервью», его истории, интеллектуальном контексте и эпистемологической позиции см. в публикациях [Leeds-Hurwitz 1987; Leeds-Hurwitz, Kendon 2021; Engelke 2021; Watter 2017]). Само название, как указывает Бейтсон, связано с подходом, в соответствии с которым сбор материала в минимальной степени направлялся теорией. Подход этот опирается на наблюдение в естественных условиях — в противоположность лабораторному эксперименту [McQuown 1971: Bateson, 6]. Интервью — это разговор Бейтсона с молодой женщиной по имени Дорис в присутствии ее четырехлетнего ребенка, заснятое на пленку в рамках другого проекта, где интерес исследователей был сосредоточен на сбоях в коммуникации родителей и детей в таких семьях, где это осознавалось как проблема психиатрического характера. Дорис и ее муж согласились участвовать в съемках, потому что Дорис посетила лекцию Бейтсона с демонстрацией киноматериалов о коммуникации в семьях, при этом интерес Бейтсона был вызван тем, что семья испытывала коммуникативные сложности и была вынуждена обратиться за психиатрической помощью.

Изначально цель инициатора проекта Фриды Фромм-Рейхман состояла в том, чтобы формы поведения и коммуникации психиатрических пациентов соотнести с диагнозами и клинической картиной, и чтобы, опираясь на съемки, формализовать то, что психиатры чувствуют интуитивно. Поскольку Бейтсона интересовали не столько индивиды, сколько паттерны коммуникации, и патологию он видел во взаимодействиях между людьми, от участников

по отдельности вроде бы должны были перейти к рассмотрению форм их взаимодействия.

Существует итоговая публикация о проекте, которая представляет собой руководство по проведению исследований и примеры анализа, а не в обычном смысле отчет по проекту. Она была подготовлена к изданию в 1968 году, но оказалась слишком велика для бумажной публикации и была выпущена лишь на микрофильмах [McQuown 1971] и сегодня доступна в виде pdf-файла объемом в 982 страницы. Есть и отдельные публикации по материалам этого проекта и других аналогичных, касающиеся прежде всего методики исследования. Основное место в трудах проекта, как и во многих других публикациях по кинесике, уделяется методике, ее основам, системе транскрипции, тогда как собственно анализу — не первичному анализу в форме транскрибирования, а тому, что связывает паттерны, найденные в материале, с полученными выводами — отведено совсем немного текста.

Паралингвистика в анализе коммуникации

100

Один из ключевых участников проекта и редактор финального документа лингвист Норман Макоун выпустил в журнале *Psychiatry* небольшую статью, оперативно донесшую до профессионального психиатрического сообщества иллюстрацию метода работы, использовавшегося в ЕИИ [McQuown 1957]. Статья обращается к анализу одного психотерапевтического интервью в перспективе паралингвистики¹.

Иллюстрация 1 [McQuown 1957: 82] содержит примеры паралингвистических явлений, взятых из транскрипции, которые должны проиллюстрировать характеристики психоаналитика и пациента. Про психоаналитика результат выглядит следующим образом [Ibid, 81]:

«Аналитик на фоне особенностей, появляющихся при нормальном социальном общении (1)², в разговоре сдержан, даже формален, точен в своей речи, мягок (2), утвердителен в высказываниях (3, 4), и в целом разговаривает естественно, без признаков смущения (unself-conscious). На терапевтическом сеансе он заставляет себя

1 Джордж Трейгер [Trager 1958: 1961] ввел в оборот как отдельную область исследования изучение «параязыка», того нелингвистического ореола высказываний, который влияет на их значение в речи (отсюда и термин «паралингвистика», то есть описание значимых аспектов вокализации, не носящих языкового характера).

2 Для того чтобы сформулировать специфику наблюдаемого явления, наблюдения нужно с чем-то сравнивать, определить точку отсчета, норму.

чески-ориентированному исследователю, не трубка, или не только трубка. Глядя из сегодняшнего дня, нельзя не поймать себя на мысли о том, что подобные интерпретации грозят скомпрометировать все остальные выводы. Безусловным достижением здесь является выделение конкретных показателей в анализируемом материале, за которые зацеплены интерпретации. Откуда эти интерпретации взяты? При многократном просмотре и транскрибировании¹ исследователи смогли составить свое представление о профилях участников и выявить показатели, которые сформировали у них такое впечатление. Ни один из показателей сам по себе, вне контекста этого интервью и сформулированной в качестве фона нормы этого конкретного говорящего, не работал бы: скажем, если человек крикает, чтобы прочистить горло (пункт 4 в приведенном примере), это само по себе не свидетельствует о том, что у него — уверенная, утвердительная манера говорения. Но мы видим, что в рамках интервью «обычные» характеристики речи человека претерпевают подстройку под конкретный жанр и его задачи, и в этом свете можно попытаться приписать значение наблюдаемым подробностям. То есть исследователь как бы уже знает или интуитивно чувствует какие-то черты испытуемых и задается вопросом о том, что в затранскрибированном материале эти черты выражает.

102

Выводы относительно профилей участников, как их увидел исследователь, таковы, что не вполне понятно, стоило ли тратить столько квалифицированного труда, чтобы их сделать, — если в качестве выводов рассматривать характеристики говорящих. Если же мы рассматриваем в качестве результата связь этих конкретных показателей с этими конкретными — локальными, привязанными к контексту взаимодействия — характеристиками участников, выводы выглядят чуть менее тривиальными, но не содержат чего-либо контринтуитивного и ничего не сообщают о том, на каком основании проведена эта связь.

Обратимся к собственно материалам проекта ЕИИ. Редактировавший их лингвист Норман Макоун формулировал проблемы, связанные с паралингвистическим компонентом исследования. В задачу лингвистов (Ч. Хокета, Макоуна и Дж. Трейгера) входило применительно к каждому говорящему показать такие характеристики голоса и говорения, которые отличаются от того, что ожидается от человека такого возраста, такой социальной группы, такого состояния здоровья и т. п. Человек начал говорить и задал некую установку ожиданий относительно своего голоса и говорения в ка-

1 На 30 минут фильма ушло 160 часов работы, притом что не все интервью затранскрибировано, и это еще весьма продуктивно в сравнении с ЕИИ.

честве фона, но вот он вдруг в своем поведении совершает в сфере параязыка что-то, что на фоне предыдущего становится заметно и считается как признак чего-то значимого.

Неизбежно возникает уже упомянутый вопрос о том, как описывать норму. Это не стало бы проблемой, если бы были, например, описаны и на уровне отдельных подробностей, и как целостные системы разные географические и социальные диалекты английского. Однако, как отмечает Макоун во Введении, такого описания тогда не существовало, поэтому непонятно, к чему отнести те или иные особенности: этот человек вообще *так* говорит или он только в данном случае так говорит? [McQuown 1971: 3-4].

Этот вопрос, очевидно, касается не только паралингвистики, но и кинесики: без точки отсчета интерпретация оказывается проблематичной, если только нет условного словаря поз или жестов, соотносящего их с разными, например, психиатрическими диагнозами, или универсальной трактовки состояний лица как выражения эмоций (в духе построений Пола Экмана). Да и если бы такой условный словарь существовал, он не сильно помог бы анализу в конкретном кейсе, где речь идет о ситуативных контекстуальных значениях, а не вообще о семантике единиц в некоторой гипотетической системе. Значение слова «дурак» в словаре никак не объясняет того факта, что в некоторых конкретных обстоятельствах это слово может использоваться для признания в любви.

Впрочем, описание диалектов по отношению не только к языку, но и к параязыку, и к «диалектам» языка тела виделось участникам проекта реализуемой задачей будущего.

103

Грегори Бейтсон о коммуникации

Первая глава итогового документа представляет собой текст Бейтсона о коммуникации. Бейтсон отмечает, что среди теоретических истоков его подхода — представления о бессознательном, истолкованные кибернетически: поскольку динамическая система с иерархией уровней не может держать все в фокусе контроля, значительная часть того, что играет роль в коммуникации, носит неосознанный характер, то есть не отправляется намеренно и не воспринимается осознанно. При этом некоторая часть этой неосознанной порции элементов коммуникации не осознается из-за того, что подавляется во фрейдовском смысле. Соответственно, потенциально любая подробность внешних проявлений может оказаться значимой и может отсылать к этой подавленной части [(McQuown 1971: Bateson 8-9), а тип интерпретаций, которые Бейтсон здесь упоминает в качестве примера, лежит в русле фрейдовской концепции («если неосознанно теребит платье, то это указы-

вае на сексуальный интерес или на его пуританское подавление»). Впрочем, Бейтсона интересует другое.

В исследовании ЕИИ речь идет о разговоре, в котором принимает участие женщина, обратившаяся за помощью к психиатру, потому что самостоятельно они с мужем не справляются с ребенком и с коммуникацией внутри семьи. Иными словами, у Бейтсона заранее имелось представление о том, что у этих людей в семье паттерны коммуникации носят патологический характер, что может как-то отражаться и в разговоре с Бейтсоном. Бейтсон вообще стремится увидеть не подробности поведения индивида, а такие паттерны коммуникации, которые нельзя проследить в пределах рассмотрения действий лишь одного участника диалога.

Бессознательные коммуникативные процессы включают в себя проекцию (когда один участник ожидает от другого таких действий, которые он сам совершил бы на его месте) и подстройку коммуникативных действий одним участником под действия другого, точнее, под то, как он понимает, как закодированы коммуникативные сигналы другого [McQuown 1971: Bateson 11; подробные рассуждения о кодировании информации в поведении см.: Ruesch, Bateson 1951: гл. 7]. Как отмечалось, при этом существенны не только эксплицитные сигналы, но и остающееся на фоне отсутствие определенных возможных сигналов — молчание может быть значимо не в меньшей степени, чем сказанные слова. Также возникает вопрос о членении потока события на действия («пунктуация»): на разных уровнях осознания и разными участниками один и тот же поток может члениться по-разному [Ibid.: 14] — речь идет о том, что некое действие может истолковываться как ответ на предыдущее действие партнера (вроде «ты меня обидел, и я так реагирую»), а может читаться как независимое от предыдущей цепочки действие («он мне нахамил ни с того ни с сего»). Этот тезис имеет большое значение для анализа внутрисемейной коммуникации и для семейной терапии.

Иллюстрируя взаимодействие, Бейтсон приводит любопытный пример: пациент-шизофреник рассказывает фантастическую историю, представляя ее как констатацию факта. Но будет ли эта история констатацией факта, зависит от ответа собеседника. Скажем, если собеседник начинает говорить, что это чепуха, потому что этого не может быть, то это значит, что повествование было воспринято буквально — и поэтому его можно рассматривать на предмет соответствия или несоответствия реальности, не ставя под вопрос буквальный характер высказывания.

И тут Бейтсон формулирует в дистиллированном виде основополагающее соображение, которое стоит за всей интеракционной парадигмой анализа коммуникации, и тем самым делает шаг впе-

ред не только по отношению к модели передачи кодированного сообщения, но и к прагматической модели выведения коммуникативных намерений¹: «Ответ, который мы получаем, сообщает нам о состоянии слушателя после получения нашего сигнала. Может оказаться, что он неправильно понял наше сообщение — в большей или меньшей степени. Но того состояния нашего взаимодействия, которое имело место в момент, когда мы отправляли это сообщение, уже больше не существует», то есть нельзя просто повторить сообщение — это будет уже другое сообщение. «Теперь мы уже коммуницируем с человеком, отношение которого к нам отличается от того, что было секунду назад. Теперь мы должны говорить в рамках этого нового установившегося отношения» [Ibid.: 21].

Самым интересным процессом здесь оказывается установление локальных конвенций взаимопонимания: любой ответ на рассказанную пациентом фантастическую историю предлагает некое имплицитное утверждение относительно того, чем эта история является. Если собеседник обращается с вопросом относительно одной из подробностей этой истории, то это означает, что он принял ее в целом в качестве основания для дальнейших сообщений². Эти соглашения относительно оснований интерпретации чаще всего не вербализованы и не вполне осознаваемы, и могут проявляться в паралингвистических и иных невербальных подробностях [Ibid.: 22]. Поэтому их можно попытаться увидеть посредством микроанализа взаимодействия.

Отметим, что теория уровней послания, где верхний метакоммуникативный фреймирует содержание нижнего, приводит Бейтсона к формулировке представления о «двойном связывании» как таком коммуникативном паттерне, который содержит противоречащие послания, которые в силу обстоятельств не могут быть истолкованы по отдельности; такие паттерны, по мысли Бейтсона, порождают патологические формы коммуникации, в конечном счете способствующие появлению шизофрении. Ближе к концу статьи «К теории шизофрении» [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956] описывается, как психиатр Фрида Фромм-Рейхман намеренно использует такую семантическую ловушку для того, чтобы вступить в контакт с пациенткой-шизофреником, которая от контакта отказывается.

1 О моделях коммуникации, основывающихся на кодированной передаче сообщения и на выведении намерений говорящего, см., например: Sperber, Wilson 1995: Ch. 1.

2 Через несколько десятилетий Г. Кларк сформулирует представление о согласовании общего фона (grounding) и о «концептуальных пактах», следуя той же логике рассуждения [Clark, Brennan 1991, 1996].

В том случае, если между участниками коммуникации возникает рассогласование в представлениях о локальных имплицитных предпосылках интерпретации сообщений, коррекция таких расхождений требует обратиться к метауровню, то есть к коммуникации не о предмете разговора, а об этих предпосылках и правилах. Такая коммуникация имеет место постоянно (в частности, функция каждого следующего сообщения состоит в том, чтобы сигнализировать о понимании предыдущего), однако она неосознаваема так же, как мы не осознаем, в какой момент разговора мы кладем ногу на ногу, затягиваемся сигаретой, моргаем или поднимаем брови. Бейтсон предполагает, что эти неосознаваемые проявления могут отсылать к интерпретации сообщений, то есть быть проявлениями метакоммуникации, выстраивающей отношения между участниками и локальные состояния их коммуникации, а также свидетельствовать о том, как с учетом вклада партнера, словесного и несловесного, участник динамически меняет самоощущение и собственный транслируемый образ [Ibid.: 26].

106

Таким образом, Бейтсон стремится подойти к определению патологической коммуникации, отделяя это понятие от проявлений психопатологии и опираясь на изучение отношений между людьми и их ситуативного выстраивания, в частности, на основании микроанализа потока данных, составляющих коммуникацию.

Бейтсон имел богатый опыт работы с киносъемкой для анализа экспрессивного поведения и взаимодействия. Совместное с Маргарет Мид исследование Балийского характера целиком построено на фотографических материалах [Bateson, Mead 1942]. Один из сделанных им незадолго до проекта ЕИИ иллюстративных фильмов по материалам съемок в семьях называется «Коммуникация и взаимодействие в трех семьях»¹ (1951). В фильме Бейтсона, снятом двумя ручными камерами, детей купают, одевают, кормят, причем в отличие от более ранних съемок Бейтсона (например, Балийских) тут операторы показывают, как их герои реагируют на присутствие людей с камерой. Съемки производились без звука, мы видим только невербальную часть событий, а в закадровом комментарии звучат вопросы типа «что эта улыбка матери сообщает ребенку о взаимодействии, чему она его учит?», «когда мать вот так придерживает ребенка коленями, одевая его», «когда, причесывая ребенка, мать выдает ему еще одну расческу, что это сообщает о том, как устроена кооперация?». Идея Бейтсона в том, что формы коммуникации

1 Видео доступно по ссылке: https://archive.org/details/0904_Communication_and_Interaction_in_Three_Families_01_00_07_25

не только сообщают свое непосредственное сообщение, но имеют значение на разных уровнях — устанавливая и поддерживая отношения, а также задавая ожидания и обучая тому, как устроено общение. Местами фильм выглядит как скромная домашняя хроника. В отсутствие ответов на упомянутые вопросы — видимо, Бейтсон давал их на лекциях, где этот фильм демонстрировался, — становится не совсем понятно, ради чего мы должны это смотреть, если только не считать это произведением киноавангарда, в котором закадровый комментарий вроде «Миссис Хоффман готовит ребенка ко сну» сопровождает то, как на экране миссис Хоффман готовит ребенка ко сну, вполне в духе московского концептуализма Ильи Кабакова или Льва Рубинштейна. Впрочем, комментарий «Семья Питерс — англосаксонского происхождения» означает, что увиденное нами должно как-то характеризовать упомянутую группу и, возможно, отличать ее от других.

Интересно сравнить это с фильмами, созданными Маргарет Мид из их с Бейтсоном съемок, например, «Купание ребенка в трех обществах» (1951) или с фильмом про первые пять дней жизни новогвинейского ребенка¹. Там закадровый комментарий от Мид гораздо богаче и без него, особенно в фильме про первые пять дней, непонятно, что происходит на экране, но в комментарии есть и элементарные причинные объяснения, а иногда и объяснения, зачем они это делают именно так. Из чего мы делаем вывод, что у них так принято, не только у этого конкретного ребенка в семье, а вообще в племени ятмулов.

107

Анализ материалов в «Естественной истории одного интервью»

В проекте ЕИИ Бейтсон не участвует в микроанализе поведения. Кроме теоретического раздела о коммуникации (гл. 2) им написан небольшой раздел об участниках ситуации и обстоятельствах киносъемки, а транскрипции — фонетическая, паралингвистическая и кинесическая — написаны специалистами в соответствующих областях. Автором раздела о кинесике и кинесического анализа восемнадцатисекундного фрагмента того, что происходит на пленке, был Рэй Бедвистел. В качестве примера — иллюстрация 2, из раздела, где описывается адаптированная для машинописи транскрипция из ряда явлений микрокинесики (NHI 1971 Birdwhistell 3-26):

1 First Five Days in the Life of a New Guinea Baby (1951).

3 - 40

Kinesic Macro-recording Key (Cont'd)

<u>Mouth</u>	
Symbol	Interpretation
LL	Mouth
L/L	lips compressed
LOL	lips overlax
L-L	lips parted
-LL-	flat minimal smile
-L-L-	lip-parted smile
-tL-L-	smile, upper teeth showing
-L-Lt-	smile, lower teeth showing
LLL	open mouthed laugh
xLLx	mouth drawn down
pL	protruding upper lip
Lp	protruding lower lip
pLp	pursed lips
oL	sucked in upper lip
Lo	sucked in lower lip
(oLL:=) oLLo (?)	both lips sucked in
8LL	tongue protrudes right
LL8	tongue protrudes left
l8l	tongue protrudes anterior
8LL8	tongue licks lips
<u>Chin</u>	
U	chin
xUx	thrust forward
xU	chin thrust right
Ux	chin thrust left
-U-	chin tight
oUo	chin drop
<u>Neck</u>	
nk	neck
onko	neck overlax
-nk-	neck tense
nk&	swallowing
&nk	Adam's apple jerk

108

Илл. 2. Фрагмент списка транскрипционных обозначений.

Транскрипционные обозначения для описания положений рта, подбородка и шеи.

Fig. 2. Fragment of the list of transcription symbols. Transcription notations to describe the positions of the mouth, chin and neck.

К тому же фрагменту киносъемки, который подробно затранскрибирован в итоговом документе¹, Бедвистел потом обращается еще раз в более поздней публикации (1990 (1969): 226-227): Дорис и Грегори сидят на диване перед низким столиком, у каждого глиняная кружка домашнего пива. Дорис переводит взгляд с Грегори на свою кружку и потом на спички в руке у Грегори, при этом она левой рукой подносит ко рту сигарету и одновременно ставит свою

1 Материалы доступны в медиаархиве Чикагского университета (<https://dma.uchicago.edu/search?query=Gregory+Bateson>)

кружку на стол. Грегори продолжает начатое высказывание о ребенке: «Он очень разумный для четырех с половиной лет. Вот хотя бы этот рисунок, который он принес, это очень продвинуто для четырех с половиной лет». Произнося это, он отламывает спичку и чиркает ее, чтобы зажечь об упаковку, и правой рукой протягивает зажженную спичку Дорис, давая ей прикурить. Чтобы прикурить, Дорис согласовывает свои движения с Грегори, подстраиваясь под протянутую руку, и отвечает: «Я полагаю, что все матери думают, что их дети сообразительны, но я не испытываю беспокойства по поводу интеллектуальных способностей этого ребенка». В этом высказывании Дорис делает две едва заметные паузы между «интеллектуальными» и «способностями» и между «способностями» и «этого ребенка», и одновременно правой рукой подтягивает ремешок своей босоножки, после чего опускает руку на диван. Грегори подхватывает с нахлестом, начиная со «способностей»: «Нет, но этот — очень сообразительный», а его рука совершает в воздухе треугольное движение, чтобы погасить спичку, которую он затем опускает в пепельницу.

Бедвистел обращает внимание на танцеобразный, согласованный друг с другом характер движений участников: дать прикурить в этом отношении является примером взаимосогласованной деятельности, такой же, как танец вдвоем или занятия любовью, как об этом говорил Гофман, подчеркивая сфокусированность этого взаимодействия. Скрытую танцеобразную согласованность находит Бедвистел и в, казалось бы, не относящихся к общей задаче движениях участников (Грегори гасит спичку, Дорис кладет руку на диван), но это то небольшое, что может быть отнесено к собственно взаимодействию, а не к описанию особенностей поведения кого-то одного из участников.

Последний раздел документа (гл. 9) содержит соотнесение вместе разных аспектов анализа и попытку сделать выводы. Характерно, что он озаглавлен «Предварительный анализ избранных фрагментов интервью». Результат, который там представлен, получен на основании анализа более долгого эпизода, чем эта подробно затранскрибированная 18-секундная сцена. Результат сводится в отношении Дорис к тому, что она слишком ригидно держит тело: малоподвижна шея, и таз не поворачивается, но при этом она активно взмахивает руками. Ребенок иногда подбегает и что-то ей отдает, а она как бы воплощает своей неподвижностью саму недоступность. Непонятно, стоило ли это наблюдение таких усилий, тем более что все то же самое можно было сказать, по-видимому, и без тщательного транскрибирования. Заметим, что такая интерпретация оказывается возможна, только если учесть, что приписывание значений опирается на гораздо более широкий круг данных, чем собственно пред-

ставленные во фрагменте. Сет Уоттер указывает, что исследователи знали многое и о семье Дорис, и о том, как проходила ее психотерапия, видели другие съемки проблемных семей, а главное, оттакивались от теорий Фриды Фромм-Рейхман и Бейтсона относительно роли матери в появлении шизофрении у ребенка.

1 2 7 2 5

110

Илл. 3. Прорисовка одного из кадров. Дорис и Грегори. Из финального документа проекта ЕИИ 1971 года, кадр 12725.

Fig. 3. Drawing of one of the frames. Doris and Gregory. From the final document of the 1971 project, frame 12725.

Оператор Дэвид Майерс снимает сцену общения Грегори и Дорис как кинодокументалист-наблюдатель, фиксируя последовательности взаимодействия участников целиком — и целиком показывая их тела, но при этом он следит за тем, что происходит в кадре, переводит камеру на подбегающего ко взрослым ребенка (Ibid.: 113). То есть он сам создает селективный текст, который не отвечает воображаемым стандартам документа для микроисследования коммуникации и этим отличается от того, что сняла бы бездушная камера сама — например, камера наблюдения, фиксирующая все подряд.

В отличие от фильмов Бейтсона, функция съемок в проекте ЕИИ должна была быть иной: требовался не иллюстративный характер, а материал для тщательного анализа. Как пронизательно замечает Хеннинг Энгельке, несмотря на то что микроанализ составлял суть

метода и подход «естественной истории» предполагал прочтение невербальных сигналов в их контексте, исследователи весьма избирательно относились к тому, что было представлено в съемках [Engelke 2021: 111].

Внимание и эмная перспектива

Неизбежно встает вопрос о зернистости описания, о необходимой и достаточной степени детализации, которая связана с решаемыми задачами. В случае транскрипции, разработанной Гейл Джефферсон и применяемой в работах по СА [Jefferson 2004], транскрипция отражает те характеристики говорения и речевого взаимодействия, которые однажды оказывались важными для анализа, несли смысл. Так, например, эллипсис и неполное произношение отражается, но транскрипция не спускается на уровень фонетики со всем богатством фонетических признаков — по той простой причине, что эти подробности не оказывались нужны в анализе взаимодействия в логике СА. Если кому-то требовалось добавить в транскрипцию отражение тех или иных паралингвистических или иных невербальных явлений, скажем, направления взгляда, то транскрипцию можно модифицировать, чтобы включить именно этот аспект взаимодействия, который отражает интерес исследователя. Это включение имеет место исходя из конкретной исследовательской необходимости.

111

Поскольку нельзя выразить все в фигуре, которая существует только на некотором фоне, часть разнообразия реальности всегда остается фоновой, ее невозможно эксплицировать. Это касается и смысла, эксплицируемого в высказываниях (ср. известную заметку Щеглоффа о степени подробности отсылки к элементам реальности в разговоре [Schegloff 2000]). На вопрос «ты где?» мы ответим с разной степенью конкретности и подробности и вообще по-разному, в зависимости от того, с какой целью нас, как мы это себе представляем, спрашивают. Это же рассуждение применимо и к вопросу о степени подробности транскрибирования и анализа: микроанализ способен утонуть в бесконечном разнообразии подробностей¹, и ориентиром и спасательным кругом служит тот вопрос, который мы задаем материалу, собственно, цель анализа.

1 В предисловии к своей итоговой книге «Кинесика и контекст», которая представляет собой скорее сборник эссе на кинесические темы, нежели систематическую монографию, Бедвистел отмечает как достижение, что благодаря усовершенствованным методикам на описание одной секунды фильма теперь тратится только один час работы вместо ста, как это было изначально [Birdwhistell 1990: xii].

Подход, в соответствии с которым мы фиксируем по возможности все подряд, поскольку не знаем, что пригодится, проблематичен сразу в нескольких отношениях. Подавляющая часть никогда не пригодилась и не могла пригодиться, и неслучайно Макоун подробно обосновывает, что нужна некая нулевая ступень, от которой отсчитывать. Фиксация всего подряд — это иллюзия. Почему бы не снимать параллельно у всех участников данные о кровяном давлении, кожных потенциалах, а также энцефалограмму? Тогда данные были бы богаче, мы бы могли отследить эмоции... мало ли еще чего. Вызванные потенциалы коры головного мозга связать в единые комплексы с тем, что происходит снаружи. Проблема в том, что все эти потоки синхронизированных между собой данных нуждаются в объяснении, они сами по себе ничего не говорят. И даже паттерны их сочетания между собой. Объяснение возникает как ответ на конкретный вопрос; теория сама по себе не вырастает из материала, сколь бы подробно он ни был зафиксирован в той или иной системе репрезентации.

112

Бедвистел уже в ранних публикациях находил точные формулировки, на которые в дальнейшем можно было опереться. Например, «Ни одна единица движения [тела человека] не обладает значением сама по себе. Значение возникает в контексте. Высказывания информанта о своем движении должны рассматриваться как данные, а не как объяснения» [Bedwhistell 1952: 10]. Но фактически к анализу Бедвистел подходил со структурно-лингвистической и бихевиористской стороны. Между тем структурный анализ формы сам по себе не позволяет нам выйти на уровень социальных значений (социальной кинесики, как ее называет Бедвистел), и контекст такой анализ выносит за скобки: структура это про систему, про язык, а контекст — про речь и про конкретную ситуацию. Бренда Фарнелл в своей оценке работ Бедвистела ставит в один ряд с кинесикой Бедвистела хореометрику Алана Ломакса — кросс-культурное изучение танцевальных движений. Ломакс вынес за скобки социальный контекст и вместе с ним все то, что придает танцу культурный смысл, произвольным образом выбрав фрагменты движений и попытавшись придать научность процедуре с помощью статистики. Но там, где речь идет о погруженных в контекст человеческих действиях, формальный анализ тех движений, в которых проявляются действия, представляет собой обесмысливающую наукообразную процедуру [Farnell 2003]. Да и вообще само по себе подробное транскрибирование представляет собой процедуру ничуть не в большей мере научную, чем было бы, скажем, измерение физических параметров телесного движения в миллиметрах, градусах и миллиметрах в секунду, а громкости голоса — в децибелах, и изображение этих данных в графиках и таблицах.

Там, где речь идет о людях, которые вступают в отношения друг с другом, опорой для осмысления данных может стать прежде всего деятельность этих самых людей по осмыслению действий друг друга. Проблема кинесического микроанализа (и проекта ЕИИ в частности) заключалась в том, что предмет интереса психиатров и Бейтсона не был операционализован и соотнесен с уровнем зернистости описания, а осмысление материала не опиралось на перспективу участников (эмный взгляд), используя лишь направляемый теориями взгляд внеположенного по отношению к ситуации взаимодействия исследователя (этная перспектива)¹. Парадигма исследования социального взаимодействия, в которой работает этнометодология и СА, принципиально основывается на наблюдении и описании осмысливающих и тем самым создающих реальность действий участников, а не на приписывании участникам каких-то идей или неосознаваемых намерений, которые исследователям диктует их теория, как это имело место во всех примерах выводов из анализа в проекте ЕИИ, процитированных выше.

Уже в материалах упомянутой выше конференции 1962 года Гофман отмечает, что следовало бы разделять область интереса к невербальной коммуникации на те случаи, где имеет место сфокусированное взаимодействие и где взаимно поддерживаются фокусы внимания, и те, где взаимодействие не сфокусировано и люди просто подстраивают свое поведение, имея в виду присутствие других людей, независимо от того, поддерживают ли они разговор или участвуют в совместной деятельности [Sebeok, Hayes, Bateson 1964: 233]. Это предложение Гофмана не только отсылает к книге, которая тогда готовилась к изданию (*Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* [Goffman 1963]), но и содержит в себе зерно того направления в рамках исследования взаимодействия, которое со временем приведет к формированию целой парадигмы исследований, анализирующих фокус совместного внимания в ходе взаимодействия и процедуры управления вниманием².

- 1 Термины *etic* и *emic* введены Кеннетом Пайком и получили широкое распространение в антропологии [Harris 1976].
- 2 Ср. об «управлении состояниями совместного внимания» в реплике Гофмана в другой дискуссии: «Очень часто речевые маркеры используются, чтобы начать или закончить эти состояния соучастия, но и много неречевых маркеров. Я надеялся здесь узнать о каких-то из них. Вместо этого вы рассуждаете о философских материях, про все то, что в принципе способно модифицировать значение высказывания. Я хотел бы услышать о жестах и разных поведенческих способах, потому что они работают не в языке, а в управлении состояниями совместного участия. Если мы могли бы себя ограничить, то лучше всего было бы рассуждать в терминах состояний разговора, а не в терминах говорящих и реципиентов. И сущность, с которой

Ферментом содержательного синтеза в исследовании коммуникации оказалось как раз внимание. Как только в анализ проникает вопрос фокуса внимания участников — причем не только участников по отдельности, но и совместного, разделенного внимания [Goodwin 1981], ситуация с анализом радикально меняется. В исследовании возникает эмная перспектива, когда мы начинаем принимать в расчет направление взгляда участников. Вместо того чтобы искать значимое и важное для нас как исследователей, мы обращаемся к тому, что значимо для участников взаимодействия — и что они наглядно демонстрируют своими действиями (вопрос о том, есть ли у них намерение смотреть именно туда, куда они смотрят, и осознают ли они свое действие, тут уже не важен).

Лоренса Мондада отмечает роль Гейл Джефферсон, которая направляла первые шаги Чарльза и Марджори Гудвин в области конверс-анализа. В частности, Джефферсон сделала транскрипцию вербального аспекта части данных Чарльза Гудвина, которые легли в основу его первой публикации [Goodwin 1979]. Именно она, вникнув в материал, обратила внимание Гудвинов на подробности невербальной части — направление взгляда и позы участников. Более того, Джефферсон разработала технику, упростившую анализ и оперирование данными о телесном движении, которая заключалась в том, что прорисовки положения участников делались на прозрачных листах, наложенных непосредственно на экран монитора, который показывал стоп-кадр с видеомэгнитофона [Mondada 2021]. Чарльз и Марджори Гудвин «находились на перекрестке разных интеллектуальных традиций», включая наблюдение в духе Гофмана, внимание к особенностям речи в духе Лабова, систематическое кодирование телесных аспектов коммуникации в духе Бедвистела, что и сделало столь значимым вклад Гейл Джефферсон [Ibid.: 220].

Отслеживание движения глаз — один из важных методов в экспериментальной психологии XX века, проливающий свет на механику когнитивных процессов — и процессов коммуникативных, если речь идет о взаимодействии в ходе совместной деятельности. Направление взгляда в ходе социального взаимодействия в 1960-е годы осознается в психологии как важный компонент коммуникации [Argyle 1967: 80-93]. В области психологии развития, в том направлении, которое восходит к идеям Джерома Брунера и занимается становлением коммуникации в онтогенезе, в частности, на доречевой стадии общения матери и младенца, в 1970-е годы формули-

мы здесь работаем, это состояние разговора — потока речевого взаимодействия в процессе поддержания этого потока» [цит. по: Sebeok, Hayes, Bateson 1962: 139].

руется представление о том, что собственно человеческие средства коммуникации возникают из сцены совместного внимания, когда участники обращают внимание на один и тот же объект и отслеживают внимание друг друга [например: Bates 1979]. Все это, а также когнитивно-ориентированные работы по изучению коммуникации в совместной деятельности, связанные с текстами Герберта Кларка и его коллег, представляют собой контекст того продуктивного синтеза конверс-анализа и микроанализа невербальной коммуникации, из которого в дальнейшем складывается мультимодальный анализ в его современном виде.

Библиография / References

- Argyle M. (1967) *The Psychology of Interpersonal Behaviour*. Harmondsworth: Penguin.
- Bateson G. (1972) *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*, University of Chicago Press¹.
- Bateson G. & Mead M. (1942) *Balinese character; a photographic analysis*, New York Academy of Sciences.
- Bateson G., Ruesch J. (1951) *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*, W. W. Norton & Co.
- Bateson G., Jackson D., Haley J. & Weakland J. (1956) Toward a theory of schizophrenia. *Behavioral Science*, 1(4): 251-264².
- Bateson, G. Naven. a survey of the problems suggested by a composite picture of the culture of a New Guinea tribe drawn from three points of view. 2d ed. Stanford (CA): Stanford University Press, 1958 (1st ed. — 1936)
- Bates E. A. *The emergence of symbols: cognition and communication in infancy*, NY: Academic Press, 1979³.
- Birdwhistell R. L. (1952) *Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture*, Washington, DC: Department of State, Foreign Service Institute.
- Birdwhistell R. L. (1970) *Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Brennan S.E. & Clark H.H. (1996) Conceptual pacts and lexical choice in conversation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 22(6): 1482-1493.

- 1 Русское издание: Бейтсон Г. (2000) *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Пер. с англ. М.: Смысл.
- 2 Русский перевод см. в составе книги: Бейтсон Г. (2000) *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Пер. с англ. М.: Смысл.
- 3 Русский перевод гл. 5 из этой книги: Интенции, конвенции и символы // *Психолингвистика*. Сб. статей под ред. А. М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50-103.

Clark H. H. & Brennan S. E. (1991) *Grounding in communication*. In L. B. Resnick, J. M. Levine & S. D. Teasley (Eds.) *Perspectives on socially shared cognition* (p. 127--49). American Psychological Association.

Collett P., Marsh P. (1974) Patterns of Public Behaviour: Collision Avoidance on a Pedestrian Crossing. *Semiotica*. 12(4): 281-300.

Henning E. (2021) Perception, awareness, and film practice: A natural history of the "Doris Film". J. McElvenny & A. Ploder (Eds.) *Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis*. Berlin: Language Science Press: 105-138.

Davis M. (2001) "Film Projectors as Microscopes: Ray L. Birdwhistell & Microanalysis of Interaction [1955-1975]," *Visual Anthropology Review*, 17 (2): 39-49.

Efron D. (1972) *Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-temporal and "linguistic" Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York City, Living Under Similar as Well as Different Environmental Conditions*. The Hague: Mouton (Approaches to Semiotics 9) [Efron D. (1941). *Gesture and Environment*, New York: King's Crown Press. 1941].

Ekman P. (1985) *Telling Lies. Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*, NY: W. W. Norton.

Ekman P. (1999) Emotional and Conversational Nonverbal Signals. In Messing L. S. & Campbell R. (Eds.) *Gesture, Speech, and Sign* (p. 45-55), New York, NY: Oxford University Press.

Farnell B. (2003) Birdwhistell, Hall, Lomax and the Origins of Visual Anthropology, *Visual Anthropology*, 16 (1): 43-55.

Fromm-Reichmann F. (1948) Notes on the development of treatment of schizophrenics by psychoanalytic psychotherapy. *Psychiatry*, 11(3): 263-273.

Gumperz J. J. & Hymes D. H. (Eds.) (1964) *The ethnography of communication*, Washington, DC: Blackwell Publishing on behalf of the American Anthropological Association (*American Anthropologist* 66(6), Part 2).

Goodwin C. (1979) The Interactive Construction of a Sentence in Natural Conversation. In G. Psathas (Ed.) *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*, New York: Irvington Publishers: 97-121

Goodwin C. (1981) *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers*, New York: Academic.

Hall E. T. (1959) *The Silent Language*, Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York.

Hall E. T. (1966) *The Hidden Dimension*, Doubleday, Garden City, N. Y.

Hall E. T. (1976) *Beyond Culture*, Anchor Books, Garden City, N. Y.

Hall E. T. (1983) *The Dance of Life: the other dimension of time*, Anchor Books, New York.

Hall E. T. & Trager G. L. (1953) *The Analysis of Culture*, Washington, DC: Foreign Service Institute/American Council of Learned Societies.

Harris M. (1976) "History and Significance of the Emic/Etic Distinction". *Annual Review of Anthropology*, 5: 329-350.

Huxley J. (Ed.) (1966) A Discussion on Ritualization of Behaviour in Animals and Man. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series B, Biological*

Sciences. 251(772).

Ikegami Y. (1971) "A Stratificational Analysis of the Hand Gestures in Indian Classical Dancing". *Semiotica*, 4(4): 365-391.

Jefferson G. (2004) Glossary of transcript symbols with an introduction. G. H. Lerner (Ed.) *Conversation analysis: Studies from the first generation*, Philadelphia: John Benjamins: 13-31

Kendon A. (ed.) (1981) *Nonverbal communication, interaction, and gesture: selections from Semiotica*, Approaches to Semiotics, 41. The Hague [etc.]: Mouton.

Kendon A., Sigman S. J., Birdwhistell R. L. (1996) (1918-1994). Commemorative essay. *Semiotica*, 112 (3/4): 231-261.

Leeds-Hurwitz W. (1987) The social history of "The natural history of an interview": A multidisciplinary investigation of social communication. *Research on Language and Social Interaction* 20: 1-51.

Leeds-Hurwitz W. (1990) Notes in the history of intercultural communication: The foreign service institute and the mandate for intercultural training. *Quarterly Journal of Speech*, 76: 268-281.

Leeds-Hurwitz W. (2010) *The social history of language and social interaction research: people, places, ideas*, Hampton Press, Cresskill, NJ.

Leeds-Hurwitz W. & Kendon A. (2021) The Natural History of an

Interview and the microanalysis of behavior in social interaction: A critical moment in research practice. In: James McElvenny & Andrea Ploder (eds.)

Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis. Berlin: Language Science Press: 145-200

MacCannell D. (1973) "A Note on Hat Tipping". *Semiotica*, 7(4): 300-312.

McQuown N. A. (Ed.) (1971) *The Natural History of an Interview*. With contributions by Gregory Bateson, Ray L. Birdwhistell, Henry W. Brosin, Charles F. Hockett, Norman A. McQuown, Henry L. Smith, Jr. George L. Trager. Microfilm Collection of Manuscripts on Cultural Anthropology Series: XV No: 99 University of Chicago Library, Chicago, Illinois (June 30).

McQuown N. A. (1957) Linguistic Transcription and Specification of Psychiatric Interview Materials. *Psychiatry*, 20(1): 79-86.

Mead M. (1995) Visual Anthropology in a Discipline of Words. Paul Hockings (ed.), *Principles of Visual Anthropology*, De Gruyter: 3-10.

Mondada L. (2021) The NHI and the emergence of video-based multimodal studies of social interaction. Response to Wendy Leeds-Hurwitz and Adam Kendon. In: James McElvenny & Andrea Ploder (eds.) *Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis*, Berlin: Language Science Press: 205-228.

Sacks H. & Schegloff E. (2002) Home position. *Gesture* 2(2): 133-146.

Schegloff E. (2000) On Granularity. *Annual Review of Sociology*, 26: 715-20.

Schegloff E., Harvey S. (1972) "Opening up Closings". *Semiotica* VIII, 4: 289-327.

Schiffrin D. (1974) "Handwork as Ceremony: The Case of the Handshake". *Semiotica*. 12(3): 189-202.

Sebeok T. A., Hayes A. S., Bateson M. C. (Eds.) (1964) *Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Psychology, Psychiatry, Linguistics, Education*. Transactions of the Indiana University Conference on Paralinguistics and Kinesics. *Janua Linguarum: Series Maior*, Vol. 15. The Hague: Mouton — De Gruyter.

Smith W. J., Chase J., Katz L. A. (1974) "Tongue Showing: A Facial Display of Humans and Other Primate Species". *Semiotica*, 11(3): 201-246.

Sperber D., Wilson D. (1995) *Relevance: Communication and cognition*, Oxford: Blackwell. 2nd edition.

Trager G. L. (1958) Paralanguage: A first approximation. *Studies in Linguistics*, 13: 1-12.

Trager G. L. (1961) The typology of paralanguage. *Anthropological Linguistics*, 3 (1): 17-21.

Trager G. L. (1966) Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Psychology, Psychiatry, Linguistics, Education. Transactions of the Indiana University Conference on Paralinguistics and Kinesics. Book review. *American Anthropologist*, 68(1): 296-297.

Watter S. B. (2017) Scrutinizing: Film and the Microanalysis of Behavior. *Grey Room* 66, Winter: 32-69.

Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. (1967) *Pragmatics of human communication: A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes*, New York: W. W. Norton¹.

118

Wilder C. (1979) The Palo Alto Group: Difficulties and Directions of the Interactional View for Human Communication Research. *Human Communication Research*, 5(2): 171-186.

Winkin Y. (1988) *Erving Goffman: Les moments et leurs hommes*, Textes recueillis et presents par Yves Winkin. Paris: Seuil/Minuit.

Рекомендация для цитирования:

Утехин И. (2023) Микроанализ невербальных аспектов коммуникации (из интеллектуальной истории мультимодального анализа). *Социология власти*, 35 (2): 86-118.

For citations:

Utekhin I. (2023) Microanalysis of Nonverbal Aspects of Communication (from the Intellectual History of Multimodal Analysis). *Sociology of Power*, 35 (2): 86-118.

Поступила в редакцию: 11.05.2023; принята в печать: 26.05.2023

Received: 11.05.2023; Accepted for publication: 26.05.2023

1 Русское издание: Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. (2000) *Психология межличностных коммуникаций*, СПб.: Речь; Гуманитарная академия.